

Е. А. ПРОВОТОРОВА

Елецкий пединститут

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ С ПРИЧИННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII века

Работ, посвященных изучению языка XVIII века, очень мало, их появление отмечается лишь в последнее десятилетие. Однако XVIII век — век становления и оформления русского литературного языка, поэтому изучение языка того времени чрезвычайно важно.

Если работ общего характера мало, то специальные работы по фразеологии XVIII века единичны. Среди них можно назвать статью Е. Э. Баржаковой «Описание фразеологического состава русского литературного языка XVIII в. в «Словаре Академии Российской 1789—1794 гг.», («Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII в.», изд. Наука, М. — Л., 1963); статья Р. К. Превратухина «Лексика и фразеология комедии В. Лукина «Задумчивый» («Ученые записки» Шахтинского педагогического института, т. II, выпуск 5, 1958) и другие. Отдельные замечания о фразеологическом характере тех или иных выражений имеются в диссертационных работах некоторых авторов.

Данная статья делает попытку описания фразеологизмов XVIII в. в узком кругу причинной семантики. Целью является стремление показать фразеологизмы в развитии. При работе над материалом автор придерживался традиционной классификации В. В. Виноградова.

Критериями выделения из текста причинных фразеологизмов служат письменные памятники XVIII в. разных жанров и стилей.

16* Краткие очерки по русскому языку.

гизмов являются образность, устойчивость и повторяемость, степень сохранности в современном языке.

Для определения исторических фразеологизмов последний критерий имеет решающее значение, характеризует фразеологизм как выдержавший испытание временем. Можно сказать, что критерий сохранности до наших дней более точный, чем другие критерии, так как даже статистические показатели могут зависеть от разных, иногда случайных, причин. Так, если выражение «с бухты—барахты» или «по пьяной лавочке» бытует в современном языке, но ни одно из них ни разу не встретилось в наших материалах, то простая логика подсказывает нам, что они возникли позже и возникновение их связано с причинами позднейшего времени, о которых можно только догадываться. Кроме того, язык XVIII в. не весь отражен в памятниках, т. е. были языковые факты, не нашедшие применения в письменности.

В процессе исторического развития причинные фразеологизмы претерпевали изменения. Сравнение с данными современного языка показывает, что одни из них устоялись, оформились к XVIII веку, другие бытовали в несколько измененной форме, непривычной для нашего слуха, третьих еще не было.

Однако то, что перед нами несомненно фразеологизмы, доказывается в каждом отдельном случае их краткостью, образностью, неизменяемостью в потоке речи (например, невозможно по отношению ко многим из них применить форму множественного числа).

Рассмотрим конкретные случаи. Выражение «умираю с голоду» в XVIII веке уже является фразеологизмом, хотя могло иметь и конкретный смысл. Оно употребляется в литературных произведениях очень часто и в таких случаях и ситуациях, где смерть от голода совсем не обязательна. Сравните «...дала по части всем детям, умирающим с голода» (314, Курганов).—Я не ужинал и умираю с голоду» (291, Курганов). Очевидно, во втором примере выражение «умираю с голоду» употреблено в значении просто «голоден». Об этом же говорит и дескриптивное окружение.

Выражение «Умереть с чего-либо» (горя, печали, смеха, радости, скуки, тоски, страху) встречается настолько часто, что перестает восприниматься буквально и ассоциируется с понятиями другого рода, т. е.:

умираю с тоски—тоскую (Плавильщиков);
умираю с печали—печалюсь (Курганов);
умираю со смеха—очень смешно (Курганов);
умираю с голоду—голоден (Болотов);
умирают со скуки—скучно (Фонвизин)

Таким образом, наряду с фразеологизмами имелись другие средства для выражения этих же отношений.

Интересно, что от *смеха* (со смеху) русские люди «надседались» «надсаждались» (у Кантемира, 121), «покатился» (у Болотова, 689, II).

Выражение «дрожать как бы от лихорадки», означая мнимую причину, является фразеологизмом по вышеописанным признакам. То, что оно не вполне оформилось в XVIII в., доказывается тем, что рядом с «лихорадкой» могло стоять другое существительное: «...дрожал, как бы от лихорадки или от мороза». (539, Болотов, II). В данном примере слово *дрожал* могло быть употреблено в буквальном смысле, но остальная часть предложения показывает явную предположительность. Стремление к яркости и образности создает основу для фразеологизма, равно по значению слову «боялся». Союз *или* также указывает на неокончательное оформление фразеологизма.

Неустоявшийся характер многих фразеологизмов показывает присутствие в их составе некоторых определений, частиц, не характерных для современных выражений, в остальном с ними совпадающих. Например, ...*вспрыгались почти от радости*, 182, Болотов, II. Существительные, входящие в их состав и обозначающие причину, сами по себе настолько ярки, что обычно не требуют определений. Это существительные *горе, радость, печаль, тоска* и т. п.

Применяя к ним определения, авторы придают фразеологизму книжный оттенок. Так, у Болотова, рядом с «не вспомнил сам себя от радости» есть выражение, где, во-первых, «радость» заменена «удовольствием» (так более книжно), во-вторых, к слову «удовольствие» применено определение «неописанного» (132, Болотов, II). Здесь мы наблюдаем, так сказать, авторское использование фразеологизма.

То же видим в примерах: ...не мог *собраться с духом* от удивительного сплетения всех сих обстоятельств (252, Бо-

лотов, II), ...и что она пришла *вне себя* от досады, увидя вдруг большое собрание (252, Курганов); увидишь двух с *ярости вне себя бывати* (402, Кантемир).

Во фразеологических единствах, а приведенные примеры, по классификации академика Виноградова, являются единствами, образность заключена в управляющей части словосочетания. То же в выражениях: ...оцепенев от удивления... (196, Болотов, III); *остолбенел* от изумления, (63, Болотов II.)*пришел в очаяние* от того, что...(170, Курганов); *прыгаю* от радости, (421, Болотов, II; 232, III).

Зависимая часть не нуждается в усилении образности, существительные ярки сами по себе.

Круг фразеологизмов со значением причины расширяется тем, что, присоединяясь к фразеологическому выражению, словопричина делает его причинным, и это значение за ним закрепляется, например, Ни жив, ни мертв *от подобострастия*, (63, Болотов I); ...в недоумение *пришел для того, что...* (162, 164, Пнин); *по молодости лет* ударились в мечты, (32, 197, Дмитриев); *От него*, конечно, все беды горят! (729, Болотов, I); *От скуки* бьет мух (78, Карамзин, Письма).

Отдельно следует сказать о выражении «...что это верно глупая *шутка, сыгранная с первого* Апреля», (254, Курганов). Обычай шутить и обманывать в первый день апреля породил устойчивое сочетание «первый апрель», которое употреблено здесь в качестве зависимой части причинного выражения.

На первый взгляд может показаться, что все подчеркнутое выражение имеет временной характер. Но действие шутки не может продолжаться с 1 апреля, предположим до 5 сентября. Следовательно, перед нами другое значение (по образу, по примеру, соответственно обычаю). Таким образом, здесь образна и условна 2-я часть единства.

При образовании причинных фразеологизмов формы родительного падежа с предлогами *ради* и *из* преобладают: «страха *ради*», (22, Посошков) «...неведомо чего *ради*», (58, Посошков). Отсюда пошли авторские преобразования. Например: не *ради* такова поискания или прибытка желая себе, но токмо *самья ради любви*», (206, Посошков); «...не *ради* иного, *ради нужды*», (109, Куракин, VI).

«Ради нужды» сохранилось в современном языке, в диалектах как причинное выражение. Эту форму как фразеологизм для XVII в. несколько в измененном виде отмечает

в своей диссертации В. А. Иванова: «грех ради наших».

Базой для образования фразеологизма с церковной окрашенностью, причем, при нем употреблялись слова с положительным значением, послужила форма родительного падежа с предлогом.

Из существительных, означающих душевные побуждения. Выражение «из любви к ближнему» бытовало и в то время. Встречаем у Курганова: «*Ближнему своему служить и в пользу общества трудиться из единой к ним любви есть добродетель*» (стр. 134).

Конструкция эта уже тогда имела строго ограниченный характер, например, *...из доброй воли мучится*. (4, Копиев).

Не все существительные с подобным значением в форме родительного падежа, с предлогом ИЗ могли участвовать в образовании причинного фразеологизма. Сравните: «*из тщеславия*», из любви своей ко мне, (135, Болотов); «*делали все из любви к оному, из желания угодить*», (234 Картины жизни); чтоб я сделал ее *из единого великодушия* к нему, (144, Болотов, т. III); *...побуждала...из любви к спокойствию*, (393, Болотов, т. II); *...ежели кто из своей охоты заведет такие дела*, (148, Посошков).

Выражение «из любви к отечеству,» (177, Пнин, Сочинения) построено так же, как выражение «из любви к ближнему». У Пнина в его рассуждениях оно не фразеологизм, но имеет все свойства, чтобы стать им.

Церковным по происхождению является и выражение «за грехи человеческого рода» в отрывке: «*умерщвлен безвинно и весьма несправедно за грехи человеческого рода*» (308, Курганов). Вместо «человеческого рода» могли употребляться другие определения: несчастливый случай учинился за грехи *мои*, (197, Письма и бумаги Петра I); *...да и я за твой грех постражду*, (272, Курганов).

Определения в основном выражены притяжательными местоимениями. В целом фраза «за грехи» получила устойчивый, образный характер.

Другие падежные формы в образовании причинных фразеологизмов используются редко. Так, дательный падеж существительных с предлогом ПО, творительный с предлогом ЗА часты в штампах; винительный падеж с предлогом нашел применение в пословицах; местный падеж с редкими существительными лексически ограничен со стороны главного слова (Например: О чем скачет, о том и *плачет*).

Характерное для XVIII века явление смещения цели и причины отражено и в причинных фразеологизмах. Так, выражение «из полушки давишься» (459, Плавильщиков, Бобыль), представляет собой яркий пример того явления, которое в большинстве случаев объясняется присутствием конкретного существительного, в данном случае *полушкой*. Полушка — мелкая денежная единица, и, если человек давится из-за полушки, то значит, что он чрезмерно жаден и из-за жадности готов давиться. В современном языке выражение «давиться из полушки» сохранилось как символ жадности.

Участие в поговорах служит показателем краткости, образности и устойчивости причинного выражения. Более того, поговорки сохраняют в застывшем виде не только архаичные слова типа *сыр-бор*, как отмечает Р. А. Будагов,¹ но и синтаксические конструкции: *За совет, за любовь* и в пост мясоед. *Для того свинья запела, что не сво-во корму хватила*.

Эту же мысль подтверждает и В. Н. Данков, говоря о больших возможностях родительного падежа для процессов фразеологизации в древнерусском языке.

Фразеологизмов со значением причины, представляющих по структуре цельные предложения, в наших материалах встретилось весьма мало. Так, выражение «Твое сердце скачет от радости», (258, Курганов) часто употребляется с другим подлежащим, и тогда это уже другой по составу фразеологизм. (см. выше).

1. Причинная семантика среди прочих средств находит свое выражение и в фразеологизмах русского литературного языка XVIII века.

2. Критерий сохранности до наших дней для определения исторических фразеологизмов является решающим.

3. По структуре причинные фразеологизмы представляют глагольные сочетания. Предложения чрезвычайно редки.

4. При образовании причинных фразеологизмов самое активное участие принимает родительный падеж существительных с предлогами.

¹ Ф. А. Будагов. Введение в науку о языке. «Просвещение», М., 1965, стр. 103.

² В. Н. Данков. «Ученые записки», вып. 1, Кемерово, стр. 203.

5. Заимствования в причинной фразеологии приходят главным образом по линии церковно-славянского языка.

6. Участие в пословицах делает причинную конструкцию устойчивой, а саму пословицу причинной.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Курганов — Письмовник, содержащий в себе науку русского языка со многими присовокуплениями разного рода учебного и полезного вещесловия. Изд. 9, СПб., 1818 год.

Павильщиков, Копиев, Фонвизин — сб. «Русская проза XVIII в.», М. — Л., 1950 г.

Болотов — «Жизнь и приключения Андрея Болотова, сочиненная им для своих потомков»; т. I—IV; СПб. 1871 — 1879 гг.

Пнин — Сочинения Ив. Пнина. М., 1834 г.

Дмитриев — И. И. Дмитриев, Сочинения, т. 1—2 СПб., 1893 г.

Карамзин — «Письма русского путешественника», т. I—IV, 1797—1801 г.

Посошков — Книга о скудости и богатстве, изд. М. Погодиным, М., 1842 г.

Картины жизни — Картины жизни и великих деяний российско-императорского генералиссимуса князя А. И. Меншикова, фаворита Петра Великого, М. 1803 г.

Письма и бумаги Петра I, т. 2 (1682—1703) СПб. 1889 г.